

DOI 10.15826/qr.2018.4.352
УДК 811.112.2'373.43+81'42+070.15

**КАК НАЗВАТЬ АНГЕЛУ МЕРКЕЛЬ:
НЕОЛОГИЗМЫ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В ИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ***

Ян Грегор

Элена Томашкова

Технико-экономический институт,
Ческе-Будеёвице, Чехия

**WHAT ANGELA MERKEL SHOULD BE CALLED:
NEOLOGISMS OF GERMAN POLITICAL DISCOURSE
IN THE MEDIA OF OTHER COUNTRIES**

Jan Gregor

Elena Tomášková

Institute of Technology and Business,
České Budějovice,
Czech Republic

This paper explores features of the new lexical and phraseological units of German political discourse and their function in other languages. German media discourse, reflecting the policy of one of the major European states, generates many new lexemes and idioms. An important component of the neologisms is vocabulary based on politicians' names. Deonyms are widespread in all European languages; however, their formation and function have certain differences, both morphological and semantic. The article studies the peculiarities of such new words as *merkeln* and *Merkelism* in the political discourse in different languages. While the German language is characterised by the use of verb deonyms, they are not characteristic of Slavic languages. In turn, the neologism *Merkelism* is being actively used by the media of almost all European countries, although its semantics vary. Relevance is the main condition for a new lexical or phraseological unit to enter the active vocabulary of another language, which is demon-

---

* *Citation:* Gregor, A., Tomášková, E. (2018). What Angela Merkel Should Be Called: Neologisms of German Political Discourse in the Media of Other Countries. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 4. P. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352.

Цитирование: Gregor A., Tomášková E. What Angela Merkel Should Be Called: Neologisms of German Political Discourse in the Media of Other Countries // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 4. P. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352 / Грегор Я., Томашкова Э. Как назвать Ангелу Меркель: неологизмы немецкого политического дискурса в иноязычных СМИ // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1160–1173. DOI 10.15826/qr.2018.4.352.

strated through the neophraseme *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten*. The connotational meaning of phraseology in a given language depends on the political situation and linguocultural characteristics.

Keywords: neolexeme; neophraseme; deonym; German political discourse; foreign media.

Рассматриваются особенности новых лексических и фразеологических единиц немецкого политического дискурса и их функционирование в других языках. Немецкий дискурс СМИ, являющийся отражением политики одного из основных европейских государств, генерирует большое количество новых лексем и фразеологизмов. Важной частью неологического фонда являются слова, образованные на базе имен политиков (деонимы). Деонимы популярны во всех европейских языках, однако их формирование и функционирование в каждом конкретном языке имеет определенные отличия, как морфологические, так и смысловые. В статье исследуется специфика функционирования таких новых слов, как *merkeln*, *Merkelism*, в политическом дискурсе разных языков. Если немецкий язык характеризуется глаголами-деонимами, то для славянских языков они не свойственны. В свою очередь, неологизм *Merkelism* активно используется в СМИ почти всех европейских стран, однако его семантика различна. Релевантность является основным условием того, чтобы новая лексическая или фразеологическая единица вошла в активный словарь другого языка, что показано на примере неофраземы *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* (*Европа разных скоростей*). Коннотации фразеологизма в каждом конкретном языке зависят от политической ситуации, а также от лингвокультурных особенностей.

Ключевые слова: неолексема; неофразама; деоним; немецкий политический дискурс; зарубежные СМИ.

Современная лексикология – один из наиболее динамично развивающихся разделов лингвистики, что связано в первую очередь с интенсивным расширением лексического фонда. При этом наиболее активные неогенные процессы, порожденные коммуникативными потребностями, наблюдаются в публицистическом дискурсе. Это объясняется тем, что именно СМИ на сегодняшний день являются основным источником возникновения, фиксации и распространения новых лексических единиц, в том числе и фразеологизмов. Медиа оперативно реагируют на процессы и события, социально-политические изменения и тенденции. Политический нарратив, вербально представленный повторяющимися лексическими единицами, стилистическими и манипулятивными приемами, отражает идеологию [Плахина, Белякова, с. 160].

Именно влияние СМИ в настоящее время становится главным фактором формирования общественного мнения и картины мира

носителей языка. Динамические процессы в публицистическом стиле как основной сфере функционирования языка политики привели к тому, что функция передачи информации неуклонно уступает место функции воздействия на реципиента. Как замечает О. Кондратьева, оценка, представленная в медиа в эксплицитной или имплицитной форме, способна формировать и регулировать отношение общества к освещаемым феноменам [Кондратьева, с. 41]. Немаловажную роль в этом процессе играют неологизмы и неофраземы. Новые лексические единицы, возникающие в публицистике, являются отражением динамических процессов развития языковой системы и одним из средств обновления языковой картины мира. Благодаря высокой степени образности, экспрессивности и семантической насыщенности они становятся эффективным способом трансляции изменений в мировосприятии, способствуют формированию оценки общественных явлений и процессов, являются индикатором трансформаций норм и ценностей, сдвигов в идеологической сфере.

В исследованиях последних десятилетий инновационные лексические явления в языке медиа стали объектом активного изучения. В современной публицистике фразеологизмы являются важным средством достижения выразительности текста. Именно поэтому научные исследования, посвященные изучению фразеологических единиц в языке СМИ, в настоящее время стали одним из наиболее популярных направлений фразеологии. В чешской лингвистике необходимо отметить работы Б. Юнковой [Junková, 2001; Junková, 2010], Г. Магаловой [Magalová], Х. Срповой [Srprova], в немецкой – Х. Бургера [Burger], в польской – Б. Афельтович [Afeltowicz], в российской – Е. Ганапольской [Ганапольская], Е. Стояновой [Стоянова] и др.

Внимание исследователей привлекают самые разнообразные аспекты функционирования устойчивых выражений в публицистическом тексте. Анализ лексических процессов в политическом дискурсе на материале текстов СМИ представлен в работе В. Белова [Белов]. Широкое распространение получили лингвокультурологические исследования, в том числе компаративные (см. например, сопоставительный анализ аспектов узуального иokkaзионального функционирования фразеологизмов в разных языках, проведенный Н. Соболевой [Соболева]).

Особое внимание привлекают дискурсивные исследования И. Якобы, направленные на анализ потенциала дискурса в борьбе за возможность устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием, достижению часто корыстных целей. Как утверждает исследователь, эта актуальная дискурсивная технология, обладающая семиотической привлекательностью и когнитивной мощью, направлена на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных заказчику возможностей развития социального мира [Якоба, с. 123]. Анализируя медийный дискурс, И. Якоба обращает внимание на такое явление,

как модусная ориентированность текста, которая «фокусирует взгляд на мир с определенной позиции, формирует определенное ценностное содержание» [Там же, с. 93]. Лексическая инноватика играет немало важную роль в модализации публицистического текста.

Исследования языковых особенностей тестов СМИ в аспекте модуса представлены также в работах О. Копытова; по мнению автора, модус является не только органической семантической частью пропагандистских приемов, способом маскировки и умалчивания истинных намерений говорящих, но и маркером искренности [Копытов, 2014; Копытов, 2016].

Целью данной статьи является исследование новых лексических и фразеологических единиц, появившихся в языке медиа и связанных с реалиями немецкой политики, в аспекте особенностей их функционирования в немецких и иностранных СМИ (в том числе роли в модусной ориентированности текста). Анализ проведен на материале политической публицистики СМИ различных стран.

Достаточно длительное по европейским меркам правление канцлера ФРГ Ангелы Меркель не могло не найти отражения в языке – оно вызвало к жизни целый пласт неогенной лексики.

Первый деоним, глагол *merkeln*, связан с выборами в бундестаг в 2002 г. Неудача с созданием правящей коалиции вызвала эмоциональную реакцию тогда еще начинающего политика – А. Меркель зареклась высказываться на политические темы. Когда в 2005 г. она стала канцлером Германии, в СМИ появился глагол *merkeln* со значением «бездействовать, пустословить, не сказать ничего по существу, отмалчиваться». М. Чигашева указывает на то, что «с течением времени количество значений этого глагола только расширялось. Еще одно значение “устраивать нагоняй” было связано со сложной финансовой ситуацией в ЕС, когда канцлер ФРГ призывала страны-партнеры к жесткой экономии и позволяла себе довольно резкие критические замечания в отношении их внутренней экономической политики» [Чигашева, с. 77].

В 2015 г. глагол, образованный от фамилии канцлера ФРГ, даже возглавил список наиболее популярных слов немецкого молодежного сленга. Слово *merkeln* стало лидирующим по данным рейтинга, составленного немецким издательством словарей «Langenscheidt», которое проводило конкурс «Молодежное слово года». Глагол, как сообщает автор издания «Politico» Дж. Джонстон, имеет негативную семантику – «ничего неделание, уклонение от ответов на прямые вопросы и еще откладывание решений на неопределенный срок» («In the words of young Germans, just ‘merkeln’», «Politico», 08.03.2015).

Необходимо отметить, что при сообщении о данной новости в русскоязычных СМИ возникли определенные сложности перевода – дело в том, что русскому языку не свойственно образование глаголов от имен собственных, тем более от фамилий политиков. Русскими аналогами слова, по мнению журналистов РИА «Россия сегодня», можно считать выражение «косить под Меркель», а также гла-

голы «меркельничать» или «меркелить» (РИА «Новости», 03.08.2015). Оба варианта перевода выглядят несколько искусственно. В свою очередь, в европейских языках (в том числе в немецком) образование глаголов на базе фамилий политических деятелей широко распространено. О. Никитина указывает на то, что «в современном немецком языке наблюдается активизация процессов деонимической номинации, под которой понимается создание апеллативов (имен нарицательных) на базе онимов (имен собственных) различными словообразовательными способами» [Никитина, с. 43]. Анализируя данную разновидность неологизмов на базе современного французского языка, Д. Доманский отмечает, что «подобные образования имеют эмоционально-негативную маркировку, что связано, во-первых, с личностью самого политика, во-вторых, с применением различных политтехнологий и, в-третьих, с отрицательным имиджем политика как такового в современном обществе» [Доманский, с. 58].

Привлекает внимание тот факт, что для французского языка естественно появление таких новых слов, как *berlusconiser*, *clintoniser*, *sarkozyser*, и *poutiniser*, а для немецкого – *merkeln*, *obamieren*, *putinisieren*, в то время как в русском деонимов-глаголов, образованных от имен политиков, практически нет. Единственным употребляемым деонимом в русском языке является глагол *путинизировать*: *Барак пытается «путинизировать» свой имидж* («Иносми.ру», 2009); *В Европарламенте Польшу обвинили в попытках «путинизировать» политику ЕС* («Вести.юа», 2016). При этом важно отметить, что в первом примере мы имеем дело с переводом статьи израильской журналистки Лили Галили с английского, а во втором – с переводом с немецкого языка цитаты из выступления председателя Европарламента Мартина Шульца о том, что новое польское правительство ведет политическую линию по путинскому образцу.

М. Чигашева полагает, что немногочисленность употребляемых в русскоязычных СМИ деонимов, образованных от имен политических и государственных деятелей, связана с объективными причинами, а именно со структурой имен собственных, их многосложностью, словообразовательными возможностями русского языка, а также с субъективными причинами – с тем, что в сознании носителей русского языка такие слова воспринимаются скорее как ненормативная лексика, употребление которой всегда ограничено. Поэтому и встречаются они преимущественно в сферах, имеющих отношение к дискурсу СМИ, но очень редко – в самих текстах информационного содержания [Чигашева, с. 321]. Данное утверждение, как нам кажется, несколько спорно. Словообразовательный потенциал русского языка достаточно велик: слова *меркелить*, *обамить*, *ельцинничать* или *трампануть* гипотетически возможны. Да и далеко не всегда русские имена собственные отличаются многосложностью – фамилии практически всех видных государственных лидеров двусложные: *Ленин*, *Сталин*, *Хрущев*, *Брежнев*, *Ельцин*, *Путин*. То, что немногочислен-

ность деонимов связана с тем, что они воспринимаются носителями русского языка как ненормативная лексика, легко опровергается наличием большого количества субстантивных деонимов: *хрущевка*, *сталинка*, *сталинщина*, *кравчучка*, *путинизация*, *ленинопад* и т. д. Немногочисленна в русском языке именно группа деонимов-глаголов. И вызвано это, на наш взгляд, не языковыми причинами и не боязнью ненормативной лексики (как раз в этом плане русский язык достаточно демократичен). Как нам кажется, отсутствие глаголов в этом разряде лексики (с этим связаны и трудности перевода на русский язык немецкого деонима *merkeln*) имеет лингвокультурную природу – русскому менталитету не свойственно воспринимать политика по характерным действиям, поведенческому стереотипу. Он воспринимает политического деятеля как явление – этим объясняется характерное для русского языка образование субстантивов с суффиксом *-щин-*, имеющих значение «общественно-политическое явление, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом» (*сталинщина*, *хрущевщина*, *брежневщина*, *ельцинщина*, *путинщина* и т. д.), или с суффиксом *-изм-* со значением «идеологическая доктрина, политический курс»: *ленинизм*, *сталинизм*, *путинизм* и т. д.

В отличие от глагола *merkeln*, производное от фамилии канцлера Германии существительное со значением «экономический курс Меркель» появилось не в немецких СМИ. Возникло оно по аналогии с популярным термином *Reaganomics* (*рейганомика*) в англоязычных источниках: *Sarkozy has been battling to close the gap – but he, too, has hinted at modifications in the teeth of public hostility to «Merkeleconomics»*¹ (“The Scotsman”, 2012); затем проникло в другие европейские языки, например, в итальянский: *Perché in Germania alcuni economisti sbuffano per la Merkeleconomics?*² («Formiche», 2016). Довольно широкое распространение неологизм получил в российских и украинских СМИ. Необходимо отметить, что в русскоязычных медиа он функционирует в виде контаминации *меркеленомика*: *Меркеленомика* («Укринформ», 2015); *Меркеленомика обогатится на 300 тонн чистейшего вольфрама* («Aftershock.news», 2016); *Получаем от ЕЦБ 100 миллиардов, откладываем в долг 960 миллиардов и хвастаемся «успехами» – вот она, реальная меркеленомика!* (lussien.livejournal.com, 2016).

Если слово *merkeln* популярно в немецком публицистическом дискурсе, а *меркеленомика* – в русскоязычных СМИ, то неолексема *меркелизм* активно употребляется всеми медиа без исключения. Свидетельством популярности неологизма является то, что в 2017 г. во Франкфурте-на-Майне даже состоялся семинар немецких политических психологов на тему «Социальная психология меркелизма».

¹ Саркози боролся, чтобы закрыть разрыв, но он также намекнул на враждебность общества к меркелекономике (здесь и далее цитаты даются в переводе авторов статьи).

² Почему в Германии некоторые экономисты ворчат на меркелекономику?

Следует отметить, что неолоксемы, образованные от фамилии общественного деятеля при помощи суффикса *-изм-*, очень распространены в современном политическом дискурсе (например, *тэтчеризм, голлизм, путинизм, трампизм*).

Merkelismus как обозначение политического стиля канцлера А. Меркель в немецкоязычных СМИ имеет нейтральную или негативную семантику, хотя с нейтральной оценкой в медиа Германии слово употребляется реже, чем с негативной. Возможно, это связано с тем, что немецкой аудиторией, еще не забывшей историю XX в. с его политическими и военными катаклизмами, вызванными во многом разнообразными «измами», термины, персонифицирующие политический курс лидера, воспринимаются несколько настороженно, и подобные неологизмы, как правило, имеют негативную эмоциональную окраску.

Примером употребления неолоксем с нейтральной оценкой может служить статья «Was ist „Merkelismus“?», где политический курс партии канцлера оценивается как прагматичный: *Ob man es «Merkelismus» nennt oder Pragmatismus – fest steht, die CDU bewegt sich auf neuen Pfaden*³ (Welt.de, 28.05.2009). Также нейтральное коннотативное значение присуще термину в статье «Der „Merkelismus“ und die Linke», автор которой называет меркелизм ключевым политическим режимом современного этапа развития Германии («Merkelismus» als tonangebender Politikmodus unserer Gegenwart? («Neues Deutschland», 2017)).

Более характерным для немецкоязычных СМИ является использование неологизма с негативной коннотацией: *Sind die Deutschen geblendet vom «Merkelismus»? Die Lösung von Problemen durch Fassadenmalerei – das sei der eigentliche Kern des Merkelismus*⁴ («Neue Zürcher Zeitung», 2017); *Das Herrschaftssystem des Merkelismus basiert auf einem Ineinander von Opportunismus und Dogmatismus; es geht um ständige Anpassungen bei gleichzeitiger unbeugsamer Zielrichtung. Merkelismus ist eine besondere – und eine besonders rabiate – Form des Neo-Merkantilismus*⁵ («Helmut-himmler.de», 2013). Встречается даже ассоциация политики А. Меркель с исламизмом и экстремизмом: *Merkelismus, Islamismus, Extremismus* («Freie Welt», 2016). На популярном среди немецкой аудитории сатирическом медиаресурсе «Stupidedia», представляющим собой юмористическую версию «Википедии», меркелизм определяется следующим образом: *Der Merkelismus ist als eine Abwandlung des Merkantilismus zur Zeit des Absolutismus zu verstehen, die von Merkel selbst initiiert wurde. Diese Staatsform wird auch oft als*

³ Это можно называть «меркелизмом» или прагматизмом – ясно, что ХДС движется новыми путями.

⁴ Неужели немцы ослеплены «меркелизмом»? Решение проблем окраской фасада – вот в чем суть меркелизма.

⁵ Система господства меркелизма основана на переплетении оппортунизма и догматизма; речь идет о постоянных корректировках одновременно с неменяющейся целью. Меркелизм – это особая и особенно радикальная форма неомеркантилизма.

*Diktatur bezeichnet*⁶ («Stupidedia»). В оппозиционном немецком издании «PI-News» существует даже отдельная рубрика «Merkelismus», в которой размещают исключительно критические по отношению к политике А. Меркель материалы.

Если в немецких СМИ неолоксема *меркелизм* употребляется преимущественно с негативной семантикой, то в публицистических материалах европейских медиа оценка скорее нейтральная. Журналист британской «The Guardian» Мартин Кеттль пишет о трудностях в определении сущности политики Меркель: *Yet it is hard to define "Merkelism". Here the analogy with Thatcher runs into the sand. Like most in her party, Merkel believes in the CDU as the ineluctable party of German government. She believes in being in power, in making things work, and is very good at it. But it is hard to pin down her views*⁷ («The Guardian», 17.03.2011).

Обозреватель итальянской газеты «Ла Stampa» Джан Энрико Рускони в статье «Меркелизм меняет ЕС» пытается найти аргументы в пользу политического курса Германии: *Меркелизм амбициозен, потому что не чувствует необходимости оправдываться в традиционных идеологических терминах. Противники справа и слева обвиняют его в интеллектуальной нищете, а Юрген Хабермас говорит об «отсутствии нормативного ядра». Но никогда не обретавшему конкретную форму проекту создания федерации или утопии демоса / европейского народа противостоит необратимое ежедневное утверждение примата «эгоистических» интересов национальных государств. Германия просто являет собой пример «нормального» эгоиста* («Иносми.Ру», 12.09.2013).

Российские медиа используют лексему *меркелизм*, как правило, с положительным коннотативным значением: *Психологи и политологи ввели новое понятие «меркелизм», что не только знак признания ведущего европейского политика, но и признание ее стиля* («Новая газета», 2014). Неологизм выступает в роли маркера модусной ориентированности текста – одобрения политики канцлера Германии – в статье корреспондента издания «Невское время» в ФРГ Антона Шандорова «Меркелизм в действии»: *Любопытно, что тенденция к пессимизму, когда речь заходит о Минском процессе, характерна и для немецких аналитиков. Между прочим, именно они и именно по этому поводу запустили в местное просторечие новый глагол – *merkeln* («меркельн»). Перевести это ёмкое словцо можно так: «В стиле Меркель сидеть на берегу реки и, ничего не предпринимая, ждать, когда по ней проплывет труп твоего врага». В общем, тянут*

---

⁶ Меркелизм следует понимать как модификацию меркантилизма во времена абсолютизма, инициированного самой Меркель. Эта форма правления часто определяется как диктатура.

⁷ Однако термину «меркелизм» трудно дать определение. Здесь аналогия с Тэтчер не работает. Как и большинство в ее партии, Меркель верит в ХДС как неотъемлемую часть правительства Германии. Она уверена в своей власти, в том, что может заставить всё работать, и очень хорошо справляется с этим. Но трудно понять ее взгляды.

и бездействовать. Выдумщикам, вероятно, неизвестно, что таков реальный стиль действий канцлера Германии. Десять раз отмерить, потом действовать. Что как раз и подразумевает отсутствие трупов – будь то среди сирийских беженцев в Германии или в Донбассе («Невское время», 17.09.2016).

Неологизм *меркелизм* настолько часто употребляется в языке российских СМИ, что «лингвисты даже обещают включить его наряду с новыми лексемами *Трампыч* и *псакинг* в словарь русского языка. Об этом сообщает руководитель группы словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН Таисия Буцева («Российская газета», 06.01.2017).

В свою очередь, русскоязычные СМИ Украины (о ситуации с языком украинских медиа см., например, работы В. Кулика [Кулик, 2013; Кулик, 2016]) употребляют термин *меркелизм* с негативной коннотацией: «Свобода» раскритиковала Германию за «меркелизм» в вопросе Голодомора («ЛигаБизнесинформ», 2008); Конец «меркелизму»? *Foreign Policy* предрекла войну между Францией и Германией («Обозреватель», 2015); 10-летие канцлера ЕС, или Безальтернативный меркелизм («Укринформ», 2015).

Различие в семантике лексемы *меркелизм* и ее роли в модусной ориентированности текстов российских и украинских медиа связано не только с расхождением в отношении к политическому курсу канцлера Германии (в России А. Меркель одобряют за умеренность, а на Украине, наоборот, критикуют), но и в лингвокультурных особенностях. Если российской традиции свойственна персонификация политики, то для украинской характерно определенное принижение роли политического лидера, демократическая тенденция.

Таким образом, анализ функционирования лексемы *Merkelismus* (*меркелизм*) выявил существенные семантические отличия – в СМИ разных стран неологизм может иметь позитивное, нейтральное или негативное коннотативное значение, что вызывается как лингвокультурными причинами, так и текущей политической ситуацией в каждой конкретной стране.

В 2017 г. одним из популярных фразеологизмов политического дискурса стала неофразема, имеющая в немецком языке два варианта: *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* и *Europa der zwei Geschwindigkeiten*. После брекзита на саммите ЕС А. Меркель высказалась в пользу такой доктрины дальнейшего развития, которая предполагает усиление интеграции ядра Евросоюза без оглядки на позицию других государств-членов, в него не входящих. Данный фразеологизм возник еще в прошлом веке на заре формирования Евросоюза и вновь стал актуальным в связи с кризисными явлениями последних лет. Поскольку столь важные изменения касаются не только членов еврозоны, но относятся к явлениям глобальной политики, фразеологизм мгновенно стал интернациональным. При этом коннотации неофраземы в политическом дискурсе определенного языка зависят от политической ситуации в каждой конкретной стране.

В немецких медиа *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* имеет, как правило, позитивное коннотативное значение. Это ценное для некоторых областей политики решение: *Merkel für Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten. Wohin soll sich die EU entwickeln? Die Mitgliedstaaten sind uneins. Bundeskanzlerin Merkel schlägt eine Lösung vor, die sich in manchen Politikfeldern schon bewährt hat*⁸ («Faz», 2017); это свидетельство того, что Германия сильна: *Das Europa der zwei Geschwindigkeiten nutzt nur den Starken*⁹ («Tagesspiegel», 2017); это позволяет сохранить ЕС: *Die deutsche Kanzlerin ändert ihren Kurs und bewirbt ein Europa der «zwei Geschwindigkeiten». Ihr Ziel: das Projekt EU retten. Vielen aber ist dieses Mittel zum Zweck nicht recht*¹⁰ («Deutsche Welle», 2017); конечно, есть те, кто видят в этом опасность, но они ошибаются: *Wer das Europa der zwei Geschwindigkeiten als Gefahr sieht*¹¹ («Tagesspiegel», 2017). Англоязычный вариант фразеологизма *multi-speed Europe* в американских и британских СМИ также имеет положительную коннотацию. Это привлекательная альтернатива существующему порядку: *Europe: Moving at Different Speeds. A multi-speed Europe presents an attractive alternative to the current EU structure*¹² («Fairobserver US», 2017); лучший вариант: *The best option is a structure with an integrated core and a looser outer layer*¹³ («Financial Times», 2017); именно такая формула определяет будущее Европы: *A multi-speed formula will shape Europe's future. EU's big four back 'multi-speed' Europe*¹⁴ («Euobserver», 2017); если Европа не станет разноуровневой, она может распасться: *Europe's future is multi-speed and multi-tier. The EU must embrace greater differentiation or face potential disintegration*¹⁵ («The Economist», 2017); это совсем не разные скорости развития, просто у стран разные потребности: *A Europe of different needs, not different speeds*¹⁶ («Weforum», 2017).

В российских медиа оценка события и семантика фразеологизма амбивалентны, они могут быть как позитивными, так и негативными: *К единству ЕС – на разных скоростях* («Независимая газета», 2017); *Германия хочет поделить страны ЕС на два сорта* («Взгляд.ру», 2017). Подобная ситуация отражает двойное отношение России к Евросоюзу.

---

⁸ Меркель для Европы разных скоростей. Где должен развиваться ЕС? Государства-члены разделены. Канцлер Меркель предлагает решение, которое уже рекомендовало себя в некоторых сферах политики.

⁹ Европа двух скоростей используется только сильными.

¹⁰ Канцлер Германии меняет курс и продвигает в Европе «две скорости». Цель – сохранить проект ЕС. Но многим это средство для этой цели не подходит.

¹¹ Кто рассматривает Европу двух скоростей как опасность.

¹² Европа: движение на разных скоростях. Многоскоростная Европа представляет собой привлекательную альтернативу существующей структуре ЕС.

¹³ Лучший вариант – это структура со встроенным ядром и более свободным внешним слоем.

¹⁴ Формула с несколькими скоростями будет определять будущее Европы. Крупнейшая европейская «многоскоростная» Европа.

¹⁵ Будущая Европа – многоскоростная и многоуровневая. ЕС должен стать более дифференцированным или столкнуться с потенциальной дезинтеграцией.

¹⁶ Европа разных потребностей, а не разных скоростей.

Вполне естественно, что новые члены ЕС (Польша, Чехия, Словакия, страны Балтии) отрицательно реагируют на предложенную концепцию разноскоростного развития, в связи с этим и фразеологизм в соответствующих сегментах медиадискурса имеет негативную семантику. Европа разных скоростей уничтожит ЕС: *Europa dwóch prędkości rozbija UE*¹⁷ («Prawo i Sprawiedliwość», 2017), *Prezydent: Podziały UE na różne prędkości będzie początkiem jej końca*¹⁸ («Gazeta prawna», 2017); это немецко-французская пропаганда: *Koncepcji, podle níž by se různé členské země integrovaly různými rychlostmi v rámci EU, prosazují některé státy v čele s Německem a Francií*¹⁹ («Ekonom», 2017); это несет экономические риски: *Německo a Merkelová ohlašují konec stejně rychlé integrace EU. Co to bude znamenat pro Česko? Kancléřka se podle dostupných zdrojů rozhodla prosadit téma „dvourychlostní EU“, tedy to, že ne všechny země se musí zavázat ke všem integračním krokům, například k jednotné měně euro, do deklarace, která má být přijata už v březnu v Římě*²⁰ (Reflex.cz, 2017).

К скепсису относительно эффективности концепции разноскоростного развития присоединяются и украинские СМИ – фразеологизм имеет исключительно негативные коннотации: «*Європа різних швидкостей*» *Чи витримає ЄС зміну своєї структури* («Тиждень.ua», 2017); «*Європа різних швидкостей*» *і кінець української мрії* («Espresso.tv», 2017), *Чи зможуть Меркель з Макроном розвалити ЄС. «Європа різних швидкостей», яку активно любіють Німеччина та Франція, може доволі швидко перетворитися на «Європу різних сортів»* (dero.ua, 2017).

Итак, точно так же, как и в случае с деонимом *Merkelismus*, неофразама *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* в медийном дискурсе различных языков имеет разное коннотативное значение и по-разному модализирует текст.

* * *

В настоящее время СМИ представляют собой одну из главных площадок появления и закрепления новых лексических единиц. Немецкий медиадискурс, будучи отражением политики одного из главных европейских государств, порождает большое количество новых лексем и фразем. Важной составляющей неологического фонда является лексика, образованная на базе фамилий политических дея-

¹⁷ Европа двух скоростей разрушит ЕС.

¹⁸ Президент: части ЕС с разными скоростями станут началом конца.

¹⁹ Концепция, согласно которой различные государства-члены будут интегрироваться с разными скоростями, пропагандируется некоторыми государствами во главе с Германией и Францией.

²⁰ Германия и Меркель объявляют о завершении такой же быстрой интеграции ЕС. Что это значит для Чешской Республики? Канцлер, согласно имеющимся источникам, решила протолкнуть в декларацию, которая будет принята в Риме уже в марте, тему «двухскоростного ЕС», то есть не все страны должны брать на себя обязательства по всем этапам интеграции, например, по единой валюте.

телей. Деонимы популярны во всех европейских языках, однако их образование и функционирование имеют определенные отличия, как морфологические, так и семантические. Если для немецкого языка характерны глаголы-деонимы, то для славянских языков они не свойственны, чем в основном и объясняется то, что неологема *merkeln* осталась явлением главным образом немецкого публицистического дискурса. В свою очередь, неологизм *меркелизм* активно используется СМИ практически всех европейских стран, хотя его коннотативное значение варьируется.

Актуальность – основное условие того, чтобы новая лексическая или фразеологическая единица вошла в активный словарь другого языка. Оперативное проникновение неофраземы *Europa der verschiedenen Geschwindigkeiten* после саммита ЕС 2017 г. в славянские языки – яркое тому подтверждение. Коннотативное значение фразеологизма в каждом конкретном языке зависит от политической ситуации, а также от лингвокультурных особенностей.

Список литературы

Белов В. Некоторые лексические процессы в российском политическом дискурсе (на материале российских интернет-газет) // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2016. № 72. Iss. 2. S. 383–411.

Гананольская Е. В. Свободное слово или эзопов язык? : (Фразеология как средство современной политической коммуникации) // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 108–112.

Доманский Д. Е. Многозначность глаголов, образованных на базе фамилий известных политических деятелей // *Филол. науки : Вopr. теории и практики*. 2013. № 4 (22). Ч. 2. С. 58–61.

Кондратьева О. Н. «Словарь политических терминов в СМИ» как новый лексикографический продукт // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2016. № 6 (44). С. 38–49.

Копытов О. Н. Модус на уровне дискурса (на примере «холодной войны» – 2014) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2016. № 2 (40). С. 29–44.

Копытов О. Н. О тексте современных СМИ : взгляд со стороны модуса // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2014. № 1 (27). С. 16–27.

Никитина О. А. Особенности образования новых немецких глаголов на базе антропонимов // *Научный диалог*. 2015. № 11 (47). С. 42–54.

Плахина Е., Белякова И. Бег по кругу: риторика холодной войны в современной российской и американской прессе // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 2. С. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

Соболева Н. П. Лингвокультурологические аспекты контекстуального использования фразеологизмов в рекламных слоганах // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2017. № 45. С. 139–149.

Стоянова Е. В. «Новая» фразеология в языке масс-медиа (на материале русского языка) // *Русистика 2003 : Язык, коммуникация, культура*. Шумен : Университет. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2003. С. 316–323.

Чигаева М. А. Ассоциативный потенциал антропонимов в немецком и русском языке // *Вестн. Брянск. гос. ун-та*. 2015. № 2. С. 319–322.

Чигаева М. А. Лексико-семантическое микрополе «Merkel» // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 4. С. 74–81.

Якоба И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология*. 2015. № 3 (35). С. 122–134.

Якоба И. А. Модусная ориентированность при интерпретации событий-аттракторов медийного дискурса (на примере ситуации крушения самолета MH17 *Malaysia airlines*) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2016. № 3 (41). С. 88–95.

Afeltowicz B. Kilka uwag o polskiej frazeologii politycznej (na materiale tygodnika Wprost) // *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2008. S. 437–443.

Burger H. *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin : Erich Schmidt, 2007. 240 S.

Junkova B. Frazeologicke prostredky současne zurnalistiky // *K aktualnim otazkam frazeologie*. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2001. S. 156–167.

Junková B. *Jazyková dynamika současné publicistiky*. Praha : ARSCI, 2010. 239 s.

Kulyk V. *Language and Identity in Ukraine after Euromaidan* // Thesis Eleven. 2016. Vol. 136. Iss. 1. P. 90–106.

Kulyk V. *Language policy in Ukraine : What People Want the State to Do* // *East European Politics and Societies*. 2013. № 2 (27). P. 279–306.

Magalova G. *Frazeologia (nielen) pre žurnalistov*. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2008. 88 s.

Srpova H. *Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v zurnalistickem a reklamním diskursu* // *Parémie národů slovanských I*. Ostrava : Ostravská univerzita, 2003. S. 135–142.

References

Afeltowicz, B. (2008). Kilka uwag o polskiej frazeologii politycznej (na materiale tygodnika Wprost). In *Komparacja języków współczesnych. Frazeologia*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 437–443.

Belov, V. (2016). Nekotorye leksicheskie protsessy v rossiiskom politicheskom diskurse (na materiale rossiiskikh internet-gazet) [Some Lexical Processes in Russian Political Discourse (with Reference to Russian Internet Newspapers)]. In *Zeitschrift für Slavische Philologie*. No. 72. Iss. 2, S. 383–411.

Burger, H. (2007). *Phraseologie. Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*. Berlin, Erich Schmidt. 240 S.

Chigasheva, M. A. (2015). Assotsiativnyi potentsial antroponimov v nemetskom i russkom yazyke [The Associative Potential of Anthroponyms in German and Russian]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2, pp. 319–322.

Chigasheva, M. A. (2016). Leksiko-semanticheskoe mikropole “Merkel” [The Lexico-Semantic Microfield “Merkel”]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 4, pp. 74–81.

Domansky, D. E. (2013). Mnogoznachnost’ glagolov, obrazovannykh na baze familii izvestnykh politicheskikh deyatelei [The Polysemy of Verbs Formed on the Basis of the Names of Well-Known Political Figures]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 4 (22). Part 2, pp. 58–61.

Ganapolskaya, E. V. (2004). Svobodnoe slovo ili ezopov yazyk? (frazeologiya kak sredstvo sovremennoi politicheskoi kommunikatsii) [Free Speech or Aesopian Language? (Phraseology as a Means of Modern Political Communication)]. In *Aktual’nye problemy teorii kommunikatsii*. St Petersburg, Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 108–112.

Junkova, B. (2001). Frazeologicke prostredky současne zurnalistiky. In *K aktualnim otazkam frazeologie*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, s. 156–167.

Junková, B. (2010). *Jazyková dynamika současné publicistiky*. Praha, ARSCI. 239 s.

Kondratyeva, O. N. (2016). “Slovar’ politicheskikh terminov v SMI” kak novyi leksikograficheskii produkt [Dictionary of Political Terms in the Media as a New Lexicographic Product]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 6 (44), pp. 38–49.

Kopytov, O. N. (2014). O tekste sovremennykh SMI: vzglyad so storony modusa [About the Text of the Modern Mass Media: A View from the Side of Modus]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 1 (27), pp. 16–27.

Kopytov, O. N. (2016). Modus na urovne diskursa (na primere “kholodnoi voiny” – 2014) [Modus at the Level of Discourse (with Reference to the “Cold War” – 2014)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 2 (40), pp. 29–44.

Kulyk, V. (2013). Language Policy in Ukraine: What People Want the State to Do. In *East European Politics and Societies*. No. 2 (27), pp. 279–306.

Kulyk, V. (2016). Language and Identity in Ukraine after Euromaidan. In *Thesis Eleven*. Vol. 136. Iss. 1, pp. 90–106.

Magalova, G. (2008). *Frazeologia (nielen) pre žurnalistov*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre. 88 s.

Nikitina, O. A. (2015). Osobennosti obrazovaniya novykh nemetskikh glagolov na baze antroponimov [Features of the Formation of New German Verbs with Reference to Anthronyms]. In *Nauchnyi dialog*. No. 11 (47), pp. 42–54.

Plakhina, E., Belyakova, I. (2016). Beg po krugu: ritorika kholodnoi voiny v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse [Running around the Vicious Circle: Cold War Images in Contemporary Russian and American Print Media]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 159–180. DOI 10.15826/qr.2016.2.164.

Soboleva, N. P. (2017). Lingvokul'turologicheskie aspekty kontekstual'nogo ispol'zovaniya frazeologizmov v reklamnykh sloganakh [Linguocultural Aspects of the Contextual Use of Phraseologisms in Advertising Slogans]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2017. No. 45, pp. 139–149.

Srpova, H. (2003). Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v zurnalistickem a reklamnim diskursu. In *Parémie národů slovanských I*. Ostrava, Ostravská univerzita, s. 135–142.

Stoyanova, E. V. (2003). “Novaya” frazeologiya v yazyke mass-media (na materiale russkogo yazyka) [“New” Phraseology in the Language of the Mass Media (with Reference to the Russian Language)]. In *Rusistika 2003: Yazyk, kommunikatsiya, kul'tura*. Shumen, Universitetskoe izdatel'stvo „Episkop Konstantin Preslavski“, pp. 316–323.

Yakoba, I. A. (2015). Vlast' diskursa mediinogo prostranstva v bor'be za nominatsiyu [The Power of the Discourse of Media Space in the Struggle for Nomination]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3 (35), pp. 122–134.

Yakoba, I. A. (2016). Modusnaya orientirovannost' pri interpretatsii sobytiy-attraktorov mediinogo diskursa (na primere situatsii krusheniya samoleta MH17 Malaysia airlines) [Modus Orientation in the Interpretation of Media Attractor Discourse Events (with Reference to the MH17 Malaysia Airlines Crash Situation)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3 (41), pp. 88–95.

The article was submitted on 20.09.2018